

Глава 17

[Мировое фольклористическое отделение, группа 3]

[Бай Пяньпянь]: [@все]

[Бай Пяньпянь]: [Ребята, кто планирует уехать домой на выходные, напишите мне в личку до полудня пятницы. Деканат составит общий список для пропусков. После указанного времени заявки не принимаются.]

Телефон несколько раз звякнул, оповещая о новых сообщениях, и экран автоматически зажегся, высвечивая всплывающие окна.

Фу Лин, увлеченный просмотром аниме вместе с Ниденагой, лишь мельком взглянул на уведомления и тут же проигнорировал их. Он продолжал чистить апельсин, не отрываясь от монитора.

Однако гаджет не унимался. Спустя пару минут Фу Лин лениво разблокировал экран — оказалось, староста добавилась в друзья и написала в личку.

[Бай Пяньпянь]: [Фу Лин, я помню, что ты местный. Если собираешься домой на выходные, скажи мне заранее, чтобы я внесла тебя в список.]

Фу Лин слегка нахмурился и его пальцы быстро застучали по клавиатуре, набирая краткий отказ.

[Фу Лин]: [Не поеду. Спасибо.]

«В общежитии такая прекрасная жизнь, только сумасшедший добровольно вернется туда, где на каждом шагу одни запреты», — подумал он.

Фу Лин привычно пролистал сообщения от третьего дяди, главы факультета, и от домашних, заваливших его вопросами о возвращении. Когда же он повернулся к столу, то обнаружил, что очищенных долек апельсина стало ровно в два раза меньше.

Он остолбенел от такой наглости и яростно заскрежетал зубами:

— Нид!

Ниденага медленно пережевывал добычу с самым невинным видом. Столкнувшись с пылающим взглядом соседа, он на мгновение замер, а затем воровато отвел глаза.

В следующую секунду Фу Лин мертвой хваткой вцепился в его воротник. Он рванул мужчину на себя, но тот даже не шелохнулся, словно скала. Фу Лин нервно усмехнулся и зловеще прошипел:

— Считаю до трех.

— Три!

Ниденага мгновенно спохватился: он отломил половину апельсина и с подбострастием вложил её в руку друга. Дракон преданно заглядывал ему в глаза, при этом забавно наклонив корпус, имитируя, будто его действительно удалось притянуть за воротник.

Стоило утраченным долькам вернуться, как гнев Фу Лина моментально утих. Он разжал пальцы и сердито запихнул апельсин в рот.

— Не смей воровать мои фрукты!

— Тупица иностранец... Вот уеду я домой, и что ты тогда будешь делать? — бурчал он, уплетая цитрус. Из-за набитых щек его голос звучал неразборчиво, а лицо стало похожим на мордочку хомяка.

Ниденага замер. Он медленно отложил апельсин и переспросил с плохо скрываемым недоверием:

— Домой?

— Именно! — Фу Лин веско кивнул. — Я ведь местный, мне можно.

Вспомнив, что Ниденага приехал из какого-то захолустья в Северной Европе, Фу Лин не удержался от ехидной улыбки:

— А вот твой дом далековато. Раз в год на каникулы — и всё. Небось, скучаешь по родным краям? И что тогда? Плачешь в подушку?

Фу Лин рассмеялся, представив, как этот здоровяк размазывает слезы по лицу от тоски по дому, и не смог сдержать веселого смешка.

Но реакция оказалась неожиданной. Ниденага на мгновение застыл, а затем его глаза

подозрительно покраснели. В красивых золотистых зрачках мгновенно задрожала влага.

Фу Лин опешил. Он засуетился, не зная, куда деть руки, и в панике закружил по комнате:

— Эй! Ты что, серьезно собрался реветь?! Спасите!

Он лихорадочно выдернул из пачки несколько бумажных салфеток и, словно решая задачу мирового масштаба, принялся почти насильно вытирать лицо соседа.

— Только не плачь, только не плачь, — запричитал он под нос.

Ниденага не успел проронить ни слезинки — его лицо просто скрылось под слоем салфеток.

Фу Лин помедлил секунду, а затем решительно обнял друга за плечи. Ниденага послушно склонил голову на плечо «маленького дракона», осторожно поглаживая его по спине.

Западный дракон тяжело вздохнул:

— Не хочу домой.

— Там... приходится грызть одни деревяшки. Темнотища, золото совсем не блестит.

Он невнятно пробормотал какое-то странное слово, явно выражая искреннюю скорбь по поводу возвращения в родные пенаты.

— Хочу остаться здесь. На Востоке... хорошо, — глухо добавил Ниденага.

Этот широкоплечий, мускулистый мужчина уткнулся лицом в плечо Фу Лина, выглядя при этом как огромный пес, который до смерти боится, что его вышвырнут на улицу. В его низком голосе сквозила неподдельная печаль.

Короткие волосы щекотали шею Фу Лина, заставляя его невольно ежиться. На свету шевелюра Ниденаги отливала густым, кроваво-красным цветом — опасным и притягательным одновременно.

Фу Лин невольно почесал шею и, смущенно пробормотав что-то, неумело принялся утешать:

— Ну-ну, не поедешь ты никуда.

— Не придется тебе больше грызть дерево, — прошептал Ниденага, еще крепче сжимая

объятия.

Его ладонь легла на поясницу Фу Лина, почти полностью охватывая его узкую талию. Хватка была такой сильной, что юноша начал задыхаться.

Фу Лин попытался высвободиться, продолжая бормотать слова утешения.

— И не буду есть этот черный хлеб и жареное мясо, — прошептал Ниденага.

Он чуть повернул голову и вкрадчиво добавил прямо в ухо Фу Лину:

— Хочу апельсин.

— Хорошо-хорошо, не ешь мясо, ешь апельсины... — Фу Лин осекся на полуслове, осознав подвох, и принялся колотить кулаками по груди пригревшегося соседа.

— Я же сказал: не воруй мои апельсины! Хочешь — чисти сам, скотина!

Фу Лин, пыхтя от возмущения, отпихнул его и вырвался из объятий. Лицо его покраснелось, а взгляд метал молнии.

В ответ Ниденага лишь невинно склонил голову. Он смотрел на друга снизу вверх, и в его золотистых глазах плясали лукавые искорки. Казалось, он в любую секунду готов снова сменить гнев на милость.

«Ну и ну... Да он просто мастер строить из себя жертву!»

— И не надейся меня разжалобить! — возмутился Фу Лин. — Я натурал, на меня это не действует.

Ниденага тем временем счастливо отправил в рот очередную сладкую дольку, и его алый язык жадно слизнул сок с губ. Зрачки его на миг сузились, превратившись в звериные щелочки, но он тут же прикрыл веки, выглядя абсолютно довольным жизнью.

— Фу Лин — хороший.

— Даже если ты будешь подлизываться, чистить апельсины всё равно будешь сам! — не унимался тот, хотя в душе уже почти простил друга.

Впрочем, увидев, как Ниденага пытается отправить в рот плод целиком, даже не сняв кожуру, Фу Лин не выдержал:

— Сказал же: шкурку есть нельзя! Ты что, апельсинов никогда не видел?!

Фу Лин сунул очищенный фрукт в руку Ниденаги, а у него самого отобрал целый.

Ниденага уставился на апельсин в своей ладони. Он слегка надавил пальцем, и тонкая кожица лопнула, брызнув сладким соком. Он тут же принялся аккуратно слизывать капли, блаженно зажмурившись.

— Не видел, — честно признался он. — Только деревья грыз. Ну, еще змеи попадались.

— Ты что, скандинавский лесоруб? — полюбопытствовал Фу Лин, отправляя дольку в рот и наслаждаясь вкусом. — В вашей Европе вроде как деревья рубить нельзя? Экология там, защита природы...

Он говорил невнятно, сосредоточенно ковыряя очередной апельсин.

Ниденага попытался повторить его движения, но не рассчитал силу: в кулаке осталась лишь кашка из мякоти и сока. Но он не привередничал и послушно слизывал раздавленный фрукт.

— Не знаю, — буркнул он.

Вид Ниденаги, который, похоже, в жизни не пробовал ничего слаще древесной коры, вызывал у Фу Лина щемящее чувство жалости.

— Погоди, говорят же, что у вас там социалка крутая? — спросил он. — Лесорубы в Европе должны грести деньги лопатой. Неужели совсем кормить перестали?

Ниденага на мгновение задумался.

— Еда...

Конечно, в своем истинном облике он иногда топтал какие-то лесные плоды, даже не замечая их под когтями. Но вот в человеческом обличье...

Он вспомнил старые таверны, красное вино и стейки с мускатным орехом и черным перцем. Рот его наполнился слюной.

— Человеческие стейки, вино... — пробормотал Ниденага и от голода впился зубами в неочищенный апельсин. Под фильмом ужасов в глазах Фу Лина он преспокойно разжевал его вместе с горькой кожурой.

— Бывает и вкусно, — заключил дракон с грустью. — Но чаще приходится жевать дерево.

«Точно, лесозаготовки», — окончательно уверился Фу Лин. Значит, работа лесоруба на севере — это тяжкий, неблагодарный труд.

Фу Лин проникся сочувствием к «бедному работяге». Он похлопал его по плечу и с гордостью заявил:

— Ладно, не переживай. Хотя в твоём захолустье и апельсинов-то не видели, здесь ты можешь есть что угодно!

— Вот поеду как-нибудь домой и привезу тебе яблок. Настоящих, желтых, по три тысячи за полкило. Пробовал такие? Привезу целый ящик, объешься!

Целый ящик яблок! Ого!

Ниденага усиленно закивал. Его преданный взгляд грел душу Фу Лина, теща его самолюбие. Юноша ласково потрепал «сынка» по голове, чувствуя себя настоящим покровителем и хозяином положения в этой комнате.

Приятное чувство, ничего не скажешь!

Фу Лин вальяжно раскрыл веер, пряча за ним довольную ухмылку. Но вовремя спохватившись, он снова принял серьёзный вид и пару раз важно кашлянул.

На этот раз он чистил апельсины с особым усердием. Ниденага тоже не подкачал: под чутким руководством «отца» он наконец освоил искусство очистки плодов и даже начал чистить их для Фу Лина. В комнате воцарилась полная идиллия.

И тут телефон снова ожил. На экране всплыло новое личное сообщение.

[Бай Пяньпянь]: [Фу Лин, я слышала, ты живешь в корпусе для иностранных студентов. У меня тут есть несколько анкет для программы обмена, нужно опросить ребят, как они адаптировались.]

[Бай Пяньпянь]: [Файл]

[Бай Пяньпянь]: [В вашем корпусе всё довольно запутано, не мог бы ты помочь мне собрать ответы?]

<http://bllate.org/book/15864/1435687>